

ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 101.1

КЛАССИЧЕСКИЕ И НЕКЛАССИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ФИЛОСОФИИ

В.Ю. Кузнецов

МГУ им. М.В. Ломоносова

vassilik@mail.ru

В статье рассматривается проблема установления различия классики и неклассики в философии, особенности возрастания порядков рефлексии и специфика постнеклассики – в продолжение и развитие подхода Мамардашвили, который практически одновременно с Фуко (и независимо от него) выстроил альтернативную концепцию, выделяющую фундаментальные эпохи в эволюции философской традиции.

Ключевые слова: стратегии философии, современная философия, классические стратегии философии, неклассические стратегии философии.

К последней четверти XX века философия (прежде всего, конечно, речь идет о западной традиции) все сильнее начинает обращаться на саму себя – не то чтобы раньше она этого не делала, наоборот, рефлексивность всегда ее отличала; просто оказалось уже невозможно и дальше осуществлять простой перенос или прямое распространение оригинальной онтолого-гносеологической концепции на историко-философский процесс (в духе, к примеру, Аристотеля или Гегеля). Вместе с тем все отчетливее стали проявляться кризисные тенденции, заставляя критически переосмыслить в том числе и путь, уже пройденный философией.

Наверное, первым, кто отчетливо тематизировал подобное проблемное поле, был Фуко, который еще в 1966 году в своей книге «Слова и вещи» обнаружил и описал «два крупных разрыва в *истеме* западной культуры: во-первых, разрыв, знаменую-

щий начало классической эпохи (около середины XVII века), а во-вторых, тот, которым в начале XIX века обозначается порог нашей современности. Порядок, на основе которого мы мыслим, имеет иной способ бытия, чем порядок, присущий классической эпохе... Дело не в предполагаемом прогрессе разума, а в том, что существенно изменился способ бытия вещей и порядка, который, распределяя их, предоставляет их знанию»¹. Уже здесь зафиксировано главное положение – принципиальное противопоставление, но осуществленное не внешним образом в духе классических бинарных оппозиций (порядок–беспорядок, разум–неразумие и т. п.), а внутри² самого порядка, разума и т. д.: противопостав-

¹ Фуко М. Слова и вещи. – СПб., 1994. – С. 35.

² Подобно тому как геометрия, скажем, Лобачевского или Римана, например, ведь не менее геометрична, чем геометрия самого Евклида.

ление, отличающее один порядок от другого порядка, один разум от иного разума. Иными словами, утверждение возможности (или даже необходимости) разных порядков и разных разумов, точнее говоря – продолжение принципов рациональности (пусть и в трансформированном по необходимости виде) за пределы области ее первоначальной действительности.

Более радикальным оказался подход³, заявленный – насколько можно судить, совершенно независимо – немногим позже (в 1970 году⁴) Мамардашвили с соавторами, которые предложили различать классику и современность, чтобы «установить *общий строй* идей для понимания и объяснения новых тенденций философского сознания, наметившихся с конца XIX – начала XX века и ставших на сегодняшний день

³ Больше, пожалуй, похожий на тот, который был – правда, вне различения классики/неклассики – предложен Фуко в небольшом тексте 1967 года «Ницше, Фрейд, Маркс», где подчеркивается, что «XIX век, и прежде всего Маркс, Ницше и Фрейд, открыли перед нами новую возможность интерпретации... Такие работы, как первая книга “Капитала”, как “Рождение трагедии...” или “Телеология морали”, как “Толкование сновидений”, снова ставят нас перед лицом техник интерпретации. И тот шоковый эффект, который вызвали эти работы, то своего рода оскорбление, которое они нанесли европейской мысли, возможно, связаны с тем, что перед нашими глазами вновь появилось нечто такое, что сам Маркс называл “нероглифами”. Это ставит нас в неудобное положение, поскольку эти техники интерпретации касаются нас самих, поскольку теперь мы, как интерпретаторы, с помощью этих техник стали интерпретировать себя самих. Но с помощью этих же техник мы должны теперь исследовать и самих Фрейда, Ницше и Маркса как интерпретаторов, и таким образом мы взаимно отображаемся в бесконечной игре зеркал» (Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // Кентавр. – 1994. – № 2. – С. 50).

⁴ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классическая и современная буржуазная философия // Вопросы философии. – 1970. – № 12. – 1971. – № 4.

типическими»⁵. «Статья трех авторов» сразу по выходе стала культовой, активно цитировалась и обсуждалась, а двумя годами позже была в несколько измененном и дополненном виде опубликована под названием «Классика и современность»⁶. Еще позднее Мамардашвили подытожил свои размышления на эту тему книгой «Классический и неклассический идеалы рациональности», вышедшей первым изданием в 1984 году, где рассматривал соответствующее разделение уже в гораздо более широком контексте, включающем также науку (и отчасти даже культуру в целом). Данный подход представляется несколько более эвристичным и продуктивным – о чем свидетельствует хотя бы степень его влияния⁷ – и потому заслуживает не только внимательного рассмотрения, но также критического разбора и дальнейшего развития.

Разумеется, в рамках одной статьи невозможно охватить всю проблематику, связанную с классическими и неклассическими стратегиями философии (для этого понадобилась бы целая книга), поэтому мы сконцентрируемся на трех важнейших аспектах – установлении самого различения, возрастании порядков рефлексии и осмыслении постнеклассики.

⁵ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классическая и современная буржуазная философия // Классический и неклассический идеалы рациональности. – М., 2004. – С. 103.

⁶ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность // Философия в современном мире. Философия и наука. – М., 1972.

⁷ Достаточно упомянуть в качестве наиболее, пожалуй, яркого и показательного примера хотя бы концепцию экологии Гиренка, представленную в его книгах «Экология. Цивилизация. Ноосфера» (М., 1987) и «Ускользающее бытие» (М., 1994), которая прямо опирается на разработки Мамардашвили, о чем свидетельствуют не столько даже многочисленные цитаты, сколько сама стратегия мысли.

Конституирование различия классики и неклассики

Уже одно только введение различия классического и неклассического сразу представляет собой отдельную проблему – и даже не из-за того, что граница между ними нередко весьма условна или размыта, а в силу принципиальной неклассичности самого этого действия: ведь если мы попытались бы трактовать различие классика–неклассика по аналогии с классическими бинарными оппозициями типа «А–не-А» или «истина–ложь» (истина, понимаемая как не-ложь, и ложь, понимаемая как не-истина), то ничего хорошего у нас не получилось бы – в лучшем случае мы остались бы в пределах классики. К тому же прямая декларация этого различия (пусть даже не как контрардикторного) воспроизводила бы все равно тот же самый, классический по умолчанию, принцип неявного полегания бесплотного, парящего над всей предметностью взгляда, в сочетании с принципом универсального всеобъемлющего порядка⁸, в который все

⁸ Фуко упоминает в связи с этим испытываемую им «вполне определенную, трудно преодолимую неловкость, обусловленную, может быть, тем, что вслед за смехом рождалось подозрение, что существует худший беспорядок, чем беспорядок *неуместного* и сближения несовместимого. Это беспорядок, высвечивающий фрагменты многочисленных возможных порядков в лишенной закона и геометрии области *гетероклитного*; и надо истолковать это слово исходя непосредственно из его этимологии, чтобы уловить, что явления здесь “положены”, “расположены”, “размещены” в настолько различных плоскостях, что невозможно найти для них пространство встречи, определить *общее место* для тех и других... *Гетеротопии* тревожат, видимо, потому, что незаметно они подрывают язык; потому что они мешают называть это *и* то; потому что они “разбивают” нарицательные имена или создают путаницу между ними; потому что они заранее разрушают “синтаксис”, и не только тот, который строит предложение, но и тот, менее явный, который

так или иначе укладывается. Конечно, разглядеть такое различие в качестве произведенного продукта или результата действия специальной процедуры гораздо сложнее, но именно это только и было бы адекватным самой специфике неклассического. Дело ведь идет не просто о более или менее нетривиальном упорядочении какого-либо множества хаотически сваленных в кучу вещей по уже известным, заранее определенным и всегда действующим правилам в четко фиксированный набор ячеек универсальной классификационной схемы, но об остающемся всегда произвольным и проблематичным решении прочерчивания различающих линий по непрерывно меняющейся (по крайней мере, при изменении взгляда) структуре и фактуре, метрику и топологию территории, которая вовсе не дает подсказок какими-либо своими внутренними «естественными» границами собственных фрагментов; не о переработке такой удобной и привычной всепожирающей мыслительной машиной все новых и новых содержаний по известной технологии, но об изменении самих принципов ее работы.

Чтобы разобраться с особенностями конституирования данного различия, стоит сначала реконструировать ведущие линии тематизации и проблематизации соответствующего концептуального поля – некоторые из которых были уже обозначены еще Мамардашвили с соавторами, другие проясняются только теперь. Во-первых, задача заключается в том, чтобы схватить мысль философии в целом, во всем много- и разнообразии ее проявлений – прежде всего современную. «Картина современной философской мысли на Западе настолько сложна, противоречива

“сцепляет” слова и вещи (по смежности или противостоянию друг другу)» (Фуко М. Слова и вещи. – СПб., 1994. – С. 30–31).

и запутанна, что исследователь и критик, пытающийся ее осмыслить, оказывается перед почти непреодолимыми на первый взгляд препятствиями и труднейшими аналитическими задачами, особенно если он задастся целью выработать сколько-нибудь цельное, синтетическое о ней представление»⁹. А для этого требуются специальные средства. «Необходима какая-то нить, которая провела бы его <исследователя и критика. – В.К.> через этот лабиринт идей, концепций, течений, духовных явлений и связала бы их в какую-нибудь, пусть не исчерпывающую и не каждым явлением подтверждаемую, но понятную и обозримую картину» (Там же). Связывание реализуется в динамике. Во-вторых, нужно охватить историческую динамику в целом – уловить те тектонические сдвиги, радикальные смещения, которые происходят в философии. «В поисках такой нити мы подойдем к делу генетически: условно выделив в буржуазном философском миропонимании две различные духовные формации (или эпохи) – “классическую” и “современную” – и констатировав несомненный факт эволюции от одной к другой, попробуем охарактеризовать имеющийся сегодня материал посредством анализа смысла, причин и параметров самой этой эволюции» (Там же). Строго говоря, речь здесь идет не столько об эволюции, сколько о революции¹⁰ – радикальной смене парадигм мысли и идеалов

⁹ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классическая и современная буржуазная философия // Классический и неклассический идеалы рациональности. – М., 2004. – С. 103.

¹⁰ Ср.: «Маркс, Ницше и Фрейд не увеличили количество знаков в западном мире. Они не придали никакого нового смысла тому, что раньше было бессмысленным. Однако они изменили саму природу знака, сам способ, которым вообще можно интерпретировать знаки» (Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // Кентавр. – 1994. – № 2. – С. 50).

рациональности. В-третьих, назрела необходимость взойти на очередной этаж рефлексии на пути преодоления метафизики и в ходе глобальной тенденции осуществления детрансцендентализации – оказалось важно осваивать рефлексии уже второго-третьего порядков. В-четвертых, всегда ценные сами по себе ресурсы концептуальных ходов мысли становятся гораздо более ценными, если с их помощью удастся увидеть то, что иначе просто невозможно разглядеть, и если их применение оказывается весьма результативным для понимания и продолжения интерпретации¹¹. И наконец, в-пятых, подведение промежуточных итогов, оценка достигнутых результатов, критическое переосмысление кризисной ситуации и общих тенденций трансформации философии способно предоставить некоторое понимание возможностей будущего ее состояния и перспектив развития, в пространстве которых только и будет уместно ставить значимые цели, определять ракурсы желаемого позиционирования и конструировать стратегические проекты.

Итак, различие между классикой и неклассикой вводится как проективное и проецирующее. Это не столько открытие, сколько конституирование¹². «Указанное деление относительно и условно как в содержательном, так и в хронологи-

¹¹ Ср.: «Сейчас мы должны интерпретировать не потому, что существуют некие первичные и загадочные знаки, а потому, что существуют интерпретации; и за всем тем, что говорится, можно обнаружить, как его изнанку, огромное сплетение принудительных интерпретаций. Причина этого в том, что существуют знаки, предписывающие нам интерпретировать их как интерпретации, и при этом – ниспровергать их как знаки» (Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // Кентавр. – 1994. – № 2. – С. 52).

¹² Ср.: Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. – М., 1997.

ческом отношении»¹³. Но обосновывается оно как типологическое, а не историческое – объединяющее различные содержания в крупные концептуальные блоки. «Не все, что после Возрождения, – классика, и, не все, что сегодня – современное» (Там же). Опрокидывая типологическую схему на временную последовательность, мы получаем интересную характеристику эпох, в которые господствовал тот или иной строй мысли. И уже здесь возможны разные варианты. Мамардашвили с соавторами проводит достаточно узкие границы: «Под “классической”... философией мы имеем в виду совокупность идей и представлений, структур, мысленных навыков, выработанных послевозрожденческой европейской культурой из духовного материала философии Бэкона, Декарта и других мыслителей и получивших завершённую, итоговую форму у Гегеля, Фейербаха и Конта включительно» (Там же). Однако, без особого напряжения смысла представляется вполне возможным (а в целях большей стройности концепции – даже желательным) расширить хронологические рамки господства классики, включив в их пределы также всю предшествующую европейскую традицию, начиная с античности, поскольку ведь именно в античности началось зарождение¹⁴ тех идеалов философствования, которые к новому времени обрели свое ясное и отчетливое воплощение. Конечно, в этом случае нельзя уже будет говорить только о буржу-

¹³ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классическая и современная буржуазная философия // Классический и неклассический идеалы рациональности. – М., 2004. – С. 104.

¹⁴ В этом смысле знаменитое «умное место» Платона, в котором и из которого видно все так, как оно устроено на самом деле, ничуть не хуже выделенного статуса трансцендентального субъекта Декарта, Канта или Гегеля, которые стремились этим своим способом к тому же самому.

азной философии, но зато получившаяся картина станет более стройной и универсальной при неизменных основах подхода.

Если «философия классического периода представляет собой удивительно цельное образование: во всех своих проявлениях она как бы отлита из одного куска, пронизана одним каким-то умонастроением и пафосом» (Там же, с. 107), то в неклассическую эпоху ситуация совершенно иная – «Онтология здесь получается странная, если можно так сказать, клочковатая, пятнистая: на место былой прозрачности приходит лишь в отдельных сферах проступающая упорядоченность мира, непрерывно прослеживаемая субъектом» (Там же, с. 142), точнее говоря, классическая цельность распадается на отдельные фрагменты благодаря проступающим пределам непрерывности. Поэтому представляется целесообразным рассматривать классику и неклассику не просто как типологические группы или наборы концепций, но как принципиально различные стратегии, разворачивающиеся в концептуальном пространстве всей философии, расширяя и трансформируя его. Тогда становится понятным, что все классические стратегии философствования в пределе сливаются в одну-единственную, хотя и раскладывающуюся разнообразным образом на многочисленные тактики; а неклассических стратегий зато не может не быть несколько, хотя вряд ли много.

Поскольку неклассика «по исходному своему замыслу является попыткой преодоления классических структур, их критического пересмотра и отказа от них перед лицом новой проблемной реальности» (Там же, с. 103), постольку очевидно, что классика принципиально единственна, так как строится самостоятельно и фокусированно, концентрично, а некласси-

ка принципиально множественна, так как линии отхода от (гипотетического) центра всегда могут быть направлены в разные стороны (другими словами, изменения в разных сочетаниях различных предпосылок, допущений и установок из исходного классического набора приводят к появлению разнообразных неклассических концепций). Поскольку «концептуализации новой проблемной реальности и нового духовного опыта воспринимаются (и описываются)... как отступление и отход от классики, как своего рода “предательство” по отношению к последней» (Гам же, с. 145), постольку очевидно, что «мы имеем здесь дело с *несамостоятельной, производной... формой философии*» (Гам же, с. 146) – неклассика привязана к классике даже не своим отказом от нее, а невольным и неизбежным наследованием, потому что не может совершенно и полностью ее отбросить и пытается отойти только по некоторым направлениям. Неклассика в этом смысле скорее надстраивается над классикой – ведь оставаясь рациональностью, пусть и иной, она не в состоянии сделать вид, будто ничего не было, иначе мысль просто развалится, рассыплется, разрушит саму себя. Тем не менее с позиций классики неклассику разглядеть практически невозможно – та будет видиться в лучшем случае как какое-то искажение или извращение, случайная или намеренная ошибка, тогда как с позиций неклассики классика предстает просто более или менее тривиальным частным случаем, одной возможностью из многих других. Уже здесь видно, что речь идет не о всевидящем взгляде классики, но о строго локализованном и ограниченном взгляде неклассики (который, вдобавок, должен видеть границы своего поля восприятия).

Таким образом, конституирование различения классики и неклассики как фундаментальных стратегий философствования представляет собой стратегический ход, который обязательно и вполне последовательно требует рассмотрения в том же самом концептуальном проблемном поле философии; причем ход принципиально неклассический, то есть осуществляемый с учетом тех предпосылок, которые требуются для его осуществления. Вдобавок ход сугубо рефлексивный, то есть выводящий на первый план проблему рефлексивных уровней.

Наращивание порядков рефлексии

Рефлексией нулевого порядка или ранга¹⁵ обладает нерефлексивная предметная деятельность, а осознание и осмысление этой деятельности будет уже рефлексией первого порядка, осознание и осмысление этого осознания и осмысления – второго, и т. д. Примечательно, что для схватывания самой рефлексии любого фиксированного уровня необходима рефлексия более высокого порядка, причем рефлексия любого уровня остается для самой себя по понятным причинам невидимой – образуется своего рода лестница, находясь на которой, мы можем видеть только более низкие ступеньки, но не можем видеть ту, на которой стоим. Ясно, что сама по себе рефлексивная возгонка, уходящая в пределе в дурную бесконечность, никаких позитивных результатов принести не может. Однако, без учета многоярусных рефлексивных эффектов и возможности подключения дополнительных слоев рефлексии мы рискуем сами себя концептуально стреножить, зашорить и тем самым заве-

¹⁵ Ср.: Лефевр В. Рефлексия. – М., 2003; Щедровицкий Г.П. Рефлексия // Избранные труды. – М., 1995.

домо неправомерно ограничить. Поэтому задача заключается в том, чтобы последовательно и критично надстраивать рефлексивные этажи, по возможности внимательно отслеживая возникающие эффекты.

Переход от классической философии к философии неклассической и ознаменовался как раз введением еще одного специального рефлексивного этажа, обеспечивающего тематизацию и проблематизацию тех практически неосознаваемых предпосылок, установок и допущений, которые лежат в основании соответствующих концепций и задают в первую очередь осознание мыслителем самого себя¹⁶. Точнее, вскрывают роль предполагаемого понимания сознания в тех выводах, которые иначе можно было бы считать беспредпосылочными и/или абсолютными. Ведь для классики нет каких-то иерархий в рефлексии – там это просто не нужно постольку, поскольку сознание полагается непрерывным, доступным саморефлексии в любой своей точке и прозрачным для самого себя. В неклассической ситуации дело обстоит совершенно иначе – нейтральная по видимости среда, универсальное, казалось бы, средство само обретает массу и плотность, становится принципиально значимым и универсально важным

¹⁶ Ср.: «Фрейд говорил о трех великих нарциссических разочарованиях в европейской культуре: первое связано с Коперником, второе – с Дарвином, доказавшим происхождение человека от обезьяны, и третье – с самим Фрейдом, открывшим, что сознание основано на бессознательном. И я задаю себе вопрос: нельзя ли было бы считать, что Маркс, Ницше и Фрейд, охватив нас интерпретацией, всегда отражающей саму себя, создали вокруг нас – и для нас – такие зеркала, где образы, которые мы видим, становятся для нас неисчерпаемым оскорблением, и именно это формирует наш сегодняшний нарциссизм?» (Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // Кентавр. – 1994, № 2. – С. 50).

сообщением¹⁷. Поскольку неклассика уже понимает, что беспредпосылочного (по) знания не бывает, постольку именно анализ его предпосылок и становится ключом к его осмыслению.

В неклассической ситуации перед интеллигенцией «во весь рост встает проблематичность ее собственных установок и природы, каковая уже не может состоять просто в том, чтобы быть интеллектуальной и моральной калькой реальных состояний всех других частей общественного организма, за которых и вместо которых интеллигенция когда-то мыслила, представляя себе прозрачным сознанием-медиумом, не вносящим от себя никакой замутненности и помех в это духовное представительство. Мандарины духа вдруг натолкнулись на плотность собственного тела – тела социального и культурного существования интеллигенции, на тот факт, что их сознание в действительности не привилегированное место пребывания... “истин как таковых”, “первослова”, а весьма своеобразная призма, разбивающая и преломляющая отображение в зависимости от особой природы и положения этого тела. Пошло трещинами зеркало абсолютного и универсального сознания, врученное когда-то привилегированному и как бы бесплотному, безгранично самосознательно мыслящему индивиду, который занимал абсолютистскую позицию в мире и представлялся себе ко-

¹⁷ Знаменитый тезис Маклюэна «The medium is the message», снимающий классическую бинарную оппозицию между «что» и «как» в коммуникации, фиксирует как раз важность перформативной фактичности (McLuhan M. Understanding Media. N.Y., 1964). Примечательно, что в русском издании (Маклюэн М. Понимание медиа. М., 2003) этот тезис ничтоже сумняшеся пытаются переводить, тем самым по инерции привычных шагов идя против него или не замечая потерь (См.: Кузнецов В.Ю. Перформативность и уровни коммуникации // Логос. – 2009. – № 2).

нечной, дальше не проявляемой точкой отсчета. Более того, в некогда прозрачном – от точки до точки – отображении мира и самого себя в этом зеркале обнаружилась вообще непросматриваемая “мертвая зона”. Она естественно индуцировалась появлением в нем “темного тела” – особого положения и природы интеллигенции, требующими теперь уже дальнейшего, специального прояснения и оговорок¹⁸. Иными словами, неклассичность как раз и связана с необратимым проявлением и неожиданным обнаружением тех неустранимых особенностей природы познающего субъекта, которые предопределяют специфику как процесса познания, так и полученного знания. Соответственно, мыслитель должен теперь заботиться не только о том, чтобы ясно разглядеть и представить предмет, но и о том, чтобы учесть собственное на него воздействие.

Сообразно этому Мамардашвили с соавторами строят объяснение перехода от классики к неклассике – «с точки зрения весьма радикального изменения в положении интеллигенции в механизме духовного производства в XX веке, характеризуя тем самым представителей этих двух формаций фактически как определенных (и различных) *социальных фигур* мыслителей» (Там же, с. 105). Естественно, это марксистский подход, но марксистский подход, в некотором смысле обращенный уже в том числе и на самого себя (по крайней мере, в части описания условий возникновения марксизма). Именно такой маневр позволяет разглядеть обратным ходом некоторые первопричины кризиса, заставившего философию изменить привычное течение мысли. «Этот кри-

зис некогда цельного философского сознания (распад единого проблемного поля и характерологически устойчивого формализма мышления, патологическая деструкция самого языка, на котором говорили и с помощью которого достигали взаимопонимания философы) обнаружил, что многое в содержании классических философских построений и в самой их связности было продуктом вторичной идеологической рационализации переживания духовным производителем своей деятельности, рационализации форм субъективной уверенности, которые порождались и оправдывались вполне конкретной, исторически преходящей ситуацией, но вовсе не были такими невинно целостными и здоровыми, каким представляется теоретическое “мыслительное пространство” классики¹⁹. Иными словами, дело вовсе не в том, что кризис и распад концептуальной целостности классики явились следствием определенных социально-культурных и экономико-политических сдвигов и смещений (без которых все было бы по-прежнему хорошо, тихо и спокойно – классично), а в том, что разные условия и обстоятельства оказываются решающими для появления разных мыслей (точнее, стилей мышления).

Только неклассический взгляд дает возможность понять, что классические философы, по сути, искали или пытались создать ситуацию, где понимание не является проблемой, поскольку достигается автоматически, вместо того чтобы исследовать условия возможности действительной коммуникации и вырабатывать соответствующие (действующие и действенные) методы и процедуры. Они устраняли²⁰ проблему, вместо

¹⁸ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классическая и современная буржуазная философия // Классический и неклассический идеалы рациональности. – М., 2004. – С. 132.

¹⁹ Там же. – С. 108.

²⁰ Подобно тому как «теория типов» Рассела просто устраняет условия возникновения парадоксов теории множеств вместо их разрешения.

того чтобы ее разрешать. Разумеется, если бы этот проект увенчался успехом, то есть если бы им удалось достичь искомого онтологно-гносеологического рая или хотя бы построить его действующую модель, тогда они обрели бы и полный аксиологический иммунитет – никто не смог бы их ни в чем упрекнуть (даже в случае появления каких-либо дополнений), но ведь их проект-то оказался невыполнимым, хотя позиционировался как реальный и реализуемый. Безусловно, заслуги классиков неоспоримы: в конце концов, вся неклассика не только опирается на классику, но и во многом продолжает ее, не говоря уже о мощных интеллектуальных ресурсах и накопленном резерве допущений, которые только и ждут (выборочной) модификации постклассикой. Однако, ирония заключается в том, что практически все их многочисленные достижения и результаты – это вовсе не то, к чему они стремились и что ставили (или мечтали поставить) себе в заслугу.

Чрезвычайно показательно, кстати, и то обстоятельство, что сам переход от классики к неклассике был схвачен и концептуализирован фактически на столетие позже, чем произошел. Действительно, если появление неклассических стратегий философствования во второй половине XIX века олицетворяется именами Маркса, Ницше и Фрейда, то осмысление значения данного перехода происходит только в конце 60-х годов XX века – прошедшее время как раз и потребовалось для подготовки рефлексивного оборачивания неклассики на самую себя. Дальнейшая трансформация философии была связана во многом с продолжением наращивания порядков рефлексии, не сводимых к классическим образцам. Однако сами по себе дополнительные рефлексивные уровни не дают автоматически никаких концептуальных преимуществ,

если не проработаны все выводы из их принятия, ведущие обратным ходом к критическому пересмотру фундаментальных философских оснований. И это весьма нетривиальная задача – иллюзии не так уж легко поддаются даже выявлению, не говоря уже о их развеивании. За примерами далеко ходить не надо. «Главная иллюзия, конечно, – это пустое пространство между нашим якобы бесплотным взглядом и его видимым объектом. Необходимо разрушить подобное интуитивное мышление в этой области, высвобождая поле для анализа того, что *на самом деле происходит в мире и его отражении* <курсив мой. – В.К.>»²¹. А ведь это – заключительная фраза книги, посвященной как раз тщательному критическому разбору классических представлений об отражении мира как он есть на самом деле в зеркале нашего сознания!²²

²¹ Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – М., 2004. – С. 99.

²² Ср.: «Любая культура, незаметно отрываясь от предписываемых ей ее первичными кодами эмпирических порядков, впервые занимая по отношению к ним определенную дистанцию, заставляет их терять свою изначальную прозрачность, перестает пассивно подчиняться их проникновению, освобождается от их непосредственного и незримого влияния, освобождается в достаточной мере, чтобы отметить, что эти порядки, возможно, не являются ни единственно возможными, ни наилучшими... Дело обстоит так, как если бы, освобождаясь частично от своих лингвистических, перцептивных, практических решеток, культура применяла бы к ним иную решетку, которая нейтрализует первые и которая, накладываясь на них, делала бы их очевидными и одновременно излишними, вследствие чего культура оказывалась бы перед лицом грубого бытия порядка» (Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994. – С. 33). Другими словами, здесь Фуко предполагает наличие некоего глубинного, но естественного порядка, независимого от любой культуры, хотя вся его книга – об условности любой классификации и упорядоченности, определяемой языковыми, познавательными, мыслительными и другими культурными практиками.

Таким образом, разделение классических и неклассических стратегий философствования позволяет не только охватить одним нередукционным принципом философию в качестве комплекса разнородных проектов, не только разглядеть также фундаментальные тенденции ее трансформации, но и предоставляет достаточно богатый набор вполне эффективных концептуальных инструментов (а прежде всего – способы немеханического наращивания порядков рефлексии) для разрешения целого ряда разнообразных тактических задач. Кроме того, последовательное проведение указанного принципа, осуществив различение уже в неклассике классической и неклассической фаз, дает возможность стратегического позиционирования философии и постановки перспективных целей (что особенно актуально в ситуации современного кризиса).

Однако последовательное наращивание порядков рефлексии в неклассике в какой-то момент неизбежно достигает некоторого рефлексивного замыкания (в той степени, естественно, в какой это вообще возможно), когда мыслитель не просто осуществляет традиционное для философии осознание того, что он делает, не только делает поправку на неустранимое действие имплицитных онтолого-гносеологических, социокультурных, аксиологических и антропологических предпосылок, но и пытается контролировать собственную позицию и выполняемый маневр в соответствующем

концептуальном пространстве. И этот заход уже означает свершение принципиального сдвига в самой неклассике, ее радикальную трансформацию – появление постнеклассики. Но это уже совсем другая история.

ЛИТЕРАТУРА

- Кузнецов В.Ю. Перформативность и уровни коммуникации // Логос. – 2009. – № 2.
- Лефевр В. Рефлексия. – М., 2003.
- Маклюэн М. Понимание медиа. – М., 2003.
- Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. – М.: Наука, 1972. – С. 28–94.
- Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классическая и современная буржуазная философия // Вопросы философии, 1970. – № 12. – С. 23–38; 1971. – № 4. – С. 58–73.
- Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классическая и современная буржуазная философия // Классический и неклассический идеалы рациональности // Логос. – 2004. – С. 147–207.
- Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. – М.: Традиция, 1997.
- Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // Кентавр. – 1994. – № 2. – С. 48–56.
- Фуко М. Слова и вещи. – СПб.: А-сад, 1994. – 408 с.
- Щедровицкий Г.П. Рефлексия. Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – 800 с.
- McLuhan M. Understanding Media. – N.Y., 1964.